

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОМ СТАРИКА КОРЧАГИНА

Неделю назад Артёму исполнилось четырнадцать, но его отправили не в обещанный лагерь на Байкале, а в глушь Тункинской долины.

— Скукотища... — вздохнул Артём.

В окне автобуса он видел зеленеющие овраги, покосившиеся избы. Обдуваемые ветром, вспыхивали вётлы — их листочки, повернувшись, пускали по ветвям холодное пламя серебра. Артём с унынием поглядывал на придорожные кафе, на сидевших у дороги грибников и ягодников. Закрыв глаза, он мог увидеть значительно больше — весь земной мир.

Прежде его взгляд устремлялся даже к просторам Луны и Марса. Он думал, что при желании станет космонавтом, попадёт в экспедицию и улетит путешествовать по Солнечной системе. Потом врачи сказали, что у Артёма врождённая аритмия сердца. Ничего страшного, его даже не освободили от физкультуры, но, вернувшись из поликлиники, он уже не видел ни Луну, ни Марс. Они погасли, умерли в его мире и больше ему не принадлежали. Артём не расстроился. В его распоряжении оставалась Земля — от снежной вершины Эвереста до тёмных глубин Марианской впадины. Аритмия не мешает идти с ледорубом или погружаться в батискафе. Этого вполне достаточно. В конце концов, космонавтом быть не так интересно. Что за радость — восемь месяцев лететь на крохотном корабле, а потом бродить по безжизненным марсианским пустыням?

— А вы знали, что на Марсе в году — шестьсот восемьдесят семь дней? — спросил Артём после обследования в поликлинике.

— Нет, — ответил папа.

— А то, что там из-за слабой гравитации люди не смогут рожать?

— Нет, — ответила мама.

— Вот... Значит, делать там нечего.

Родители только рассмеялись над словами Артёма, хотя повода для веселья тут не было. Их-то мир давно стал маленьким и тусклым. С каждым годом на карте родителей появлялось всё больше серых пятен — мест, куда они просто не захотели бы отправиться, и чёрных пятен — мест, которые они не смогли бы посетить при всём желании.

Для папы давно умерли ледяные просторы Антарктики и джунгли Амазонии. Об Эвересте, Аннапурне и других вершинах он даже не вспоминал. Сергей Николаевич Перевалов никогда бы не согласился карабкаться по ледникам или прорубать мачете густые заросли лиан. А для Марины Викторовны Переваловой, мамы Артёма, яркими оставались лишь Иркутск, где она жила, и Таиланд, где она с подругами отдыхала каждый январь. Другие места нашей планеты её интересовали мало.

— Скуотица, — поморщившись, повторил Артём.

К четырнадцати годам он с удивлением понял, что и в его мире наметились серые участки: затянутая войной Сирия, бандитская Уганда и отравленная токсичными отходами Бангладеш.

— Хотя... почему бы и не съездить туда? Чем опаснее, тем интереснее.

Отражение Артёма в окне то пропадало, то возвращалось. Старый двигатель автобуса завывал на подъёмах. У дороги паслись коровы. Мальчик-пастух, прикрывая лицо от колючей пыли, равнодушно поглядывал на отару овец, ждал минуты, чтобы перевести их через дорогу. Из-за пригорка вытянулась почерневшая водонапорная башня, за ней началось пшеничное поле — ветер расчертил его золотистыми тропинками, выстелил в нём мягкие лужайки.

Артём вспомнил дедушку. Если тот действительно погиб, то никаких сомнений: в последние часы самым печальным для него было

наблюдать за смертью мира вокруг. Его карту затягивало безграничным чёрным пятном. Оно неумолимо съедало далёкие страны, соседние города. Замерло, когда вокруг дедушки остался тесный круг жизни — дом или даже комната. Он бы ещё в последнем порыве дошёл до двери, но повернуть ручку у него не хватило бы сил. Что может быть страшнее для человека, с юности ходившего в походы, искавшего приключения в самых отдалённых уголках России! Артём поначалу не верил в смерть дедушки. Никто не верил. Но всё изменилось после письма, полученного мамой.

— Кажется, старик Корчагин в самом деле покинул нас, — прошептал тогда папа.

Дедушка пропал прошлой весной. Он и раньше пропадал. Виктор Каюмович был геологом, но его исследования не ограничивались геологией. Придумав себе новую теорию, он отправлялся в путешествие. Искал затерянные бурятские улусы, древние вулканы, говорил, что нашёл следы богатых месторождений нефрита или меди. Три месяца ходил по уссурийской тайге, надеясь встретить таинственных отшельников, о существовании которых прочитал в каких-то архивах. Маме не нравились его приключения, а обещания дедушки однажды взять с собой Артёма её пугали. Сам Артём в последние годы только об этом и думал, надеялся увидеть чудеса, о которых рассказывал дедушка. А теперь Виктор Каюмович сгинул. В каком-нибудь полуразрушенном зимовье, от болезни. Или в лапах медведя, в зубах амурского тигра. Деталей его смерти никто и не рассчитывал узнать, но Артём надеялся, что тот погиб именно в лапах дикого зверя.

— Лучше так, чем от глупой болячки.

На прошлой неделе институтский друг дедушки передал маме конверт, полученный им больше года назад, перед исчезновением дедушки. Внутри — ничего такого: свёрток и записка. «Передай моей дочери ровно через год, если я раньше сам не заберу». Вот и вся записка. Больше — ни строчки, а в свёртке лежали два ключа. Что с ними делать, мама не знала.

Друг Корчагина ушёл, и Марина Викторовна ещё долго стояла у порога. Невидящим взглядом смотрела на конверт в руках. Слезы текли из её открытых глаз. Она злилась на своего отца за его чудачковатость. За то, что он всегда где-то пропадал. Забывал про день её рождения. Не пришёл на её свадьбу. Даже на похороны своей жены не приехал — в это время работал на Дальнем Востоке. Ещё и Артёма заразил страстью к приключениям. Зачем-то пообещал свозить того на Амазонку, показать ему трёхметровых плетоядных рыб арапаим. Неумолимая одержимость. Виктор Каюмович говорил, что хочет умереть в пути. Он добился своего.

Марина Викторовна плакала беззвучно. Она даже не шевелилась. Потом и слёз не осталось, а она всё стояла с конвертом в руках, лишь сейчас окончательно признав, что Виктора Каюмовича нет. Ей бы только обнять отца на прощание, прикоснуться щекой к его щеке, услышать сладкий аромат его одеколona.

Вечером с работы пришёл Сергей. Что делать с ключами, он не придумал, но обратил внимание, что на конверте указан обратный адрес:

— Наверное, ответ там.

— Серёж, я не хочу никуда ехать. Я устала от этих загадок, тайн. Вечно он что-то прятал от меня, от мамы. А теперь...

— Ну давай я сам съезжу.

— Нет.

Перед сном Марина Викторовна ещё раз сказала, что никуда не поедет, а наутро взяла отгул на работе и умчалась из Иркутска на первом же автобусе — в указанный на конверте посёлок.

Адрес отправителя привёл её на окраину села Кырен Тункинского района, на берег реки Иркут, стремительным потоком напоминавшей, какими бывают реки — вольные, ещё не осёдланные ни плотиной, ни запрудой.

Пройдя по тропинке вдоль крапивного поля, обогнув заросший старым репейником двор, Марина Викторовна оказалась перед двухэтажным срубом. Один из ключей подошёл к двери, и Марина Викторовна зашла внутрь.

В последующие дни она узнала, что дом принадлежал её отцу. Он построил его пять лет назад, не сообщив никому из родственников. Часто заглядывал сюда, готовясь к очередной экспедиции, но держал это место в тайне. На мгновение горечь от разлуки с отцом опять сменилась обидой — неприятно было узнать, что Виктор Каюмович до такой степени не доверял собственной дочери.

Применения второму ключу пока что не нашлось.

Марина Викторовна с грустью ходила по комнатам, примечая знакомые вещи, фотографии. Она уже не сомневалась, что письмо отец подготовил вместо завещания — знал, что уходит в опасное путешествие, и побоялся, что дом пропадёт без наследников.

Рассказав обо всём Сергею по телефону, Марина Викторовна вышла во двор и столкнулась с Бэлигмой — старой буряткой, которую, как оказалось, отец попросил в течение года следить за домом.

— Цветы поливать, пыль, если где, протереть, — улыбнулась Бэлигма. — Пропал, значит? А ты, значит, за наследством приехала?

Марина Викторовна не ответила. Она уже ничему не удивлялась. Казалось невероятным, чтобы Виктор Каюмович не только уставлял дом цветами, но ещё и просил какую-то женщину за ними ухаживать. Впрочем, цветов в доме нашлось немного.

— Фиалки? — удивилась Марина Викторовна. — Могли бы просто забрать их и поливать у себя...

Второй ключ Бэлигма рассматривала долго и с явным интересом. Обошли весь дом, заглянули в оба чулана, но замков не обнаружили.

— Наверное, он вообще не от дома, — вздохнула Марина Викторовна.

— Как знать, — Бэлигма качнула головой и заторопилась на улицу. Обещала завтра прийти вновь: — Я тебе молочка принесу, раз такое дело. Мы с твоим отцом хорошо общались, пока он не уехал. А теперь вот. Ну да ты не расстраивайся, узнаем про твой ключ.

Марина Викторовна от таких слов чуть не расплакалась — будто её единственной заботой была тайна ключа, а не молчаливое расставание с отцом.

— *Хорошо общались*, — прошептала она, глядя вслед Бэлигме. — Чудеса какие-то.

Виктор Каюмович никогда ни с кем *хорошо* не общался. У него даже друзей настоящих не было.

Марина Викторовна ещё раз обошла дом. Удивилась отсутствию кабинета: где же книги, записи отца? Удивляло и то, что по углам лежал махровый слой пыли — если Бэлигма тут и убиралась, то редко и небрежно.

Вечером, глядя на догоравшую облачную наволочь, Марина Викторовна опять загрустила. Нужно было собирать справки, документы и подавать в суд заявление, чтобы отца признали без вести пропавшим. Не желая оставаться наедине со своей печалью, она вызвонила из Иркутска Артёма. Подумала, что на берегу Иркуты ему будет не хуже, чем в лагере на Малом море. Мужа с работы не отпустили, а просить кого-то из друзей не хотелось.

Поначалу Артём даже обрадовался, узнав, что ему предстоит жить в дедушкином доме. Представил, как просмотрит дедушкины карты и дневники, пролистает закладки в его книгах, но со слов мамы понял, что ничего интересного в доме не осталось — только пыль и старая мебель.

Томление с каждым часом усиливалось. Его не могли развеять ни предгорья Саян, ни лысые макушки гольцов*, ни видневшиеся за окном окраины тайги. Артём понимал, что мама не отпустит его в лес. И вместо лагеря с конными походами на Ольхон его ждёт уныние сельской окраины.

— Ещё заставит огород копать, — нахмурился Артём. — Помоги тут, вымой там. Это нам знакомо...

Мама встретила Артёма на автобусной остановке.

— Как доехал?

— Нормально.

— Не укачало?

* Голёц — безлесная горная вершина.

- Мам, я же говорил, меня не укачивает.
- В Аршане укачало.
- Мне было пять лет! Сколько раз говорил...
- Я просила Серёжу посадить тебя на первое сидение. Там не так болтает.
- Мам!

Артём понуро плёлся за мамой, пинал камни, с опаской поглядывал на сельских собак. Говорил себе, что обречён две недели торчать взаперти.

«Две недели! Это четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Из них часов сто на сон. Остаётся двести тридцать шесть. Часов тридцать на еду. Остаётся двести шесть. Двести часов сплошной тоски! Хорошо бы заболеть чем-нибудь. Простыть. Меня тогда сразу отправят домой. Двести часов — это двенадцать тысяч минут. А секунд...»

Артёму не удалось посчитать, сколько же секунд продлится его ссылка. Тем временем показался дедушкин дом.

Открыв калитку, мама прошла через двор. Поднялась на веранду и замерла. Отчего-то медлила, не заходила внутрь. Артём поднялся вслед за ней.

— Чего ждём? — спросил он, но осёкся. Увидел, что дверь приотворена. Кто-то выломал замок. Вырвал вместе с куском дерева. Теперь на его месте зияла рваная брешь.

Мама аккуратно потянула дверь на себя. Вошла в прихожую.

В доме будто побывал смерч. Мебель опрокинута, зеркала разбиты, единственный диван выпотрошен до самых пружин. Даже кухонная столешница сброшена на пол.

Дедушкины вещи лежали в общей груде осколков и раскуроченных полок. Кто-то активно поработал здесь топором. Только что. За несколько минут до прихода Артёма с мамой.

Артём с удивлением, позабыв всякую тоску, осмотрел погром в дедушкином доме. Поднялся по лестнице, увидел, что смерч пронёсся и на втором этаже.

Фанерная ширма под ванной выломана. Кровать перевёрнута. Матрас разрезан. Здесь явно что-то искали. Но что? И почему именно сейчас? Дом стоял без жильцов больше года. Почему грабители не ворвались сюда раньше? И если это были грабители, почему они не взяли ни телевизор, ни микроволновку? Даже икона в серебряном киоте висела нетронутой.

Этого Артём не знал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТАЙНА ПЯТОЙ КОМНАТЫ

Артём любил дедушку. Виктор Каюмович всегда находил о чём рассказать. Посмеиваясь тихим, заговорщицким смехом, он вспоминал о приключениях юности. О том, как едва не погиб на разливе Амура, как видел извержение Ключевской сопки — двухсотметровый фонтан лавы ещё долго снился дедушке, до того мощной, насыщенной была его красота. Показывал шрамы на спине, оставшиеся после встречи с медведем на диком берегу Витима. Артём, затаившись, смотрел и слушал. Даже трогал дедушкины шрамы. Хотел однажды получить такие же. Сказал об этом маме. Испугавшись, она два года назад не пустила его в поход с дедушкой. Виктор Каюмович уверял её, что всё ограничится двухдневной прогулкой по берегу Байкала:

— Чего ты испугалась-то? Мальчика пора приучать к походной жизни.

— Мам! — просил Артём.

Тщетно. Мама и думать не хотела о том, чтобы куда-то отправить сына с дедушкой. Артём не успокаивался, и она записала его в лагерь. Сказала, что ему надо набраться опыта, прежде чем идти в поход. Мама, конечно, надеялась, что после первой же поездки в лагерь Артём забудет о тайге, но ошиблась. Его мечты о приключениях только окрепли. Он теперь ещё больше хотел путешествовать — как дедушка, приезжать домой после дальней экспедиции и улыбаться тому, с каким интересом все слушают его рассказы.

Когда Виктор Каюмович пропал, Артём решил, что закончит свою жизнь так же — таинственно исчезнет в недоступной простому путнику чащобе. Об этом он, разумеется, не сказал ни маме, ни папе.

Папа работал корреспондентом в «Восточно-Сибирском экспрессе». Часто уезжал в Улан-Удэ, Читу и в города поменьше, но приключениями в его поездках не пахло. Папа сам говорил, что в последние годы пишет только скучные отчёты о ещё более скучных мероприятиях, а настоящих историй ему не попадалось уже много лет.

Мама работала в лаборатории Института биологии при Иркутском государственном университете и пятый год писала диссертацию, от одного названия которой веяло неодолимой тоской.

— Вам не понять, — шептал Артём, рассматривая топографические карты прибайкальской тайги.

Он знал, что однажды не удержится и тайком убежит в одиночный поход. Теперь, когда не стало дедушки, в этом он мог положить-ся лишь на себя.

Виктор Каюмович говорил, что все проблемы — от неясности:

— Сформулируй свои мысли, и проблема уйдёт. Сам удивишься! Главное, формулируй непредвзято, как ты на самом деле чувствуешь и думаешь. Ведь и с другими людьми все беды — от недостатка общения. Если поругались, сядьте рядышком и честно обсудите, что вас волнует. И не будет никаких ссор.

Дедушка сполна доказывал свои слова — тем, что действовал как раз наоборот: замыкался в себе и поэтому плодил ссоры в неисчислимом количестве. Часто ругался с бабушкой. После её смерти ругался с мамой. Мама всякий раз говорила ему, что он не бережёт себя, что в старости мог бы уделять ей больше времени, чем в экспедиционной молодости. Дедушка отмахивался, не хотел ничего объяснять.

— Ох, папа... — Мама подняла с пола чёрно-белую фотографию Виктора Каюмовича. Вынула из рамки разбитое стекло и поставила её на подоконник.

Только что приходил участковый. Он осмотрел дом. Зашёл в каждую комнату. Подробно расспросил о том, чем дедушка занимался при жизни. Записал мамины показания беглым неразборчивым почерком, попросил её расписаться и, прощаясь, сказал:

— Вы бы пока вернулись к себе, а я вам позвоню, когда что-то станет ясно.

— Кто это мог быть?

— Ну... у нас тут бывает, заезжают из других сёл. Наркоманы там или просто всякие...

— Почему тогда ничего не украли?

— Может, и украли. Вы же не помните точно, что тут и где стояло. А может, это знакомые вашего отца. Знали, что у него деньги лежат или что-то ещё.

— Почему они заявили именно сейчас? — не отступала мама.

— Да вы не беспокойтесь. Я же говорю, возвращайтесь в Иркутск, а мы разберёмся.

Мама, вздохнув, поблагодарила участкового. Когда тот ушёл, позвонила папе и рассказала о случившемся.

— Да чего тут гадать! — воскликнул тот. — Простые вору. Забрались, ничего не нашли и со злости всё поломали. Давай я в субботу к вам приеду и вместе наведём порядок. А про участкового забудь. Он скорее золото Колчака найдёт, чем твоих воров.

Вечером заглянула Бэлигма. Пришлось слушать её причитания о поломанной мебели и побитых зеркалах. Больше всего Бэлигму, кажется, расстроили опрокинутые и помятые цветы. Соседка настойчиво предлагала помощь, говорила, что быстренько тут прибёрётся, что ей больно смотреть на дом Виктора Каюмовича. Маме едва удалось заверить Бэлигму, что она справится сама, и выпроводить её на улицу.

— Какая настойчивая! Ни за что не поверю, что отец вообще пустил её на порог!

Думать об этом было некогда. Мама начала уборку. Решила сжечь всё, что не удастся починить. Артём помогал — перетаскивал в прихожую обломки мебели. Неожиданное приключение его встряхнуло.

Теперь поездка в Кырен не казалась скучной. Он неспешно ходил по дому, с интересом осматривал комнаты. Хотел понять, что же искали воры. Уверился, что в доме скрыта какая-то тайна.

«С дедушкой всегда так. Сплошные загадки», — подумал он, осматривая фотографии на первом этаже. Даже родители Артёма мало что знали об исследованиях Виктора Каюмовича, особенно в последние годы. Дедушка был уже не так молод. Прошлой осенью ему бы исполнился шестьдесят один год. И всё же он не прекращал своих экспедиций.

— Что же тут искали?.. — Артём держал в руках разломанный стул, но не торопился выносить его в прихожую, задержался у развешанных по стене фотографий.

На фотографиях — комнаты дедушкиного дома, какими они были до погрома. Вполне уютные. Ничего особенного. Старая, но опрятная мебель. При этом комнаты какие-то пустые. В них не хватало деталей, которые неизменно появляются в жилом доме. Ни вазочек, ни фигурок, ни разбросанных по столу книг или ручек. Впрочем, дедушка мог сделать фотографии сразу после того, как сюда переехал. Но зачем вообще снимать комнаты, в которых живёшь, вставлять их в рамки и тут же, на стене, развешивать?

— Ерунда какая-то, — промолвил Артём.

— Чего? — отозвалась из гостиной мама.

— Стул выношу!

— Давай. Потом сюда иди. Нужно столешницу поднять.

— Хорошо, — шёпотом ответил Артём.

Он решил внимательно изучить фотографии. Подумал, что на них запечатлено то, что искали или нашли воры. «Вряд ли, но попробовать стоит».

«Вот комод с большими часами. Часы я видел. Они лежат разбитые на втором этаже».

«Вот икона. Зачем она вообще дедушке? Икона висит на месте. Её даже не тронули. А могли бы украсть. Значит, искали что-то поинтереснее».

«Вот... даже не знаю, что это. Что-то из дедушкиных инструментов. Что-нибудь для геологии. У него такого много. Инструмента я не видел, но вряд ли он приглянулся вора».

«Вот лестница на второй этаж».

«Это спальня. На кровати нет ни белья, ни матраса. Значит, я прав, дедушка фотографировал до того, как тут обжился. Зачем?»

«Вот книжный шкаф. Чего же мама жаловалась, что в доме нет книг? У дедушки всегда... А это? Что это?»

Артём отложил стул и подошёл поближе к фотографии. Присмотрелся.

— Ма-а-ам!

Артём почувствовал, как сердце наливается тягучим холодом.

— Чего? — подошла встревоженная мама. Видимо, её напугал голос Артёма.

— Смотри!

— Это ты так стул несёшь?

— Смотри!

На фотографии была небольшая комната. Книжные шкафы, рабочий стол, старая кушетка. И чёрная коробка на тумбе.

— Что это?

— Сейф! — улыбаясь, ответил Артём. — Может, второй ключ из конверта — от него?

Впрочем, никакого сейфа в доме не было.

— Значит, его-то как раз и украли, — вздохнула мама. — Надо позвонить участковому.

— Постой, — Артём мотнул головой. — Книжный шкаф и стол тоже украли?

— Даже не знаю...

— Давай хотя бы найдём комнату.

Марина Викторовна не хотела отвлекаться от уборки, но потом решила, что перерыв пойдёт ей на пользу. К тому же эта история приободрила Артёма. Он, как и дедушка, из любой мелочи мог устроить себе целое приключение.

— Мы все играем в игры, — говорил Виктор Каюмович. — Человеку нужно чем-то заполнять время. Такими нас сделала природа. Эволюция. Мы утолили голод и жажду, построили дома, защитили свои семьи. Любое животное давно бы остановилось в развитии, но мы продолжаем идти вперёд, потому что помимо голода и болезней природа наградила нас желанием постичь себя. Неосуществимым желанием, которое постоянно зудит внутри и не даёт нам скучать. Чтобы хоть как-то отвлечься от него, мы вынуждены играть в игры. Разве нет? Кто-то заполняет время ссорами, другие — любовью. Каждый выбирает по себе. А что выберет твой сын?

«В самом деле, что ты выберешь?» — Марина Викторовна взглянула на Артёма; тот метался по коридору, торопился разгадать только что придуманную им загадку.

На втором этаже, под крышей, у всех трёх комнат потолки были скошены. На фотографии потолки и стены были прямые.

— Тут делать нечего. — Артём вернулся к лестнице.

Марина Викторовна заметила, что по коридору второго этажа развешаны картины. Рекламные проспекты курортов Аршана, Хойто-Гола и Ниловой Пустыни перемежались карандашными зарисовками природы.

— Разве дедушка рисовал? — спросил Артём.

— Да, но не так хорошо. Это не его рисунки. Да и старые они какие-то.

Марина Викторовна с Артёмом поторопились на первый этаж. Обошли обе нижние комнаты, осмотрели гостиную. Несмотря на общий погром, было очевидно, что комнаты с фотографии тут тоже нет.

— Ерунда какая-то, — нахмурился Артём.

Поиски увлекли и Марину Викторовну. Про уборку она не вспоминала. Подумала, что в сейфе спрятаны письма и дневники отца. Или документы, которые объяснят его исчезновение.

— Если воры украли сейф, то только вместе с комнатой, — промолвил Артём, во второй раз обойдя дом. — Но ведь так не бывает?

— Не бывает, — согласилась мама. — Подождём Серёжу. Он разберётся.

Артём качнул головой. Знал, что должен разгадать загадку сам, до приезда папы. Иначе придётся выслушивать его насмешки. «Ещё не хватало».

Артём вернулся к фотографиям. Снял их со стены и разложил на полу. Пересчитал. Шесть комнат, не считая гостиную, кухню и лестницу.

— Странно, — заметила мама. — В доме пять комнат. Значит, эта фотография не отсюда. Вот и вся разгадка.

— Нет! Значит, комната — скрытая! Ну конечно! Потайной вход!

— Вряд ли... Хотя это вполне в духе твоего деда.

— Тут все комнаты висели по порядку, — продолжил Артём. — Так?

— Ну, так, — согласилась мама.

— Вот второй этаж. Вот лестница. Вот комната с люстрой. Вот комната со шкафами. А комната с сейфом — между ними.

— Между ними ничего нет.

— Значит, есть! Нужно только хорошо искать.

Артём осмотрел обе комнаты. Ничего подозрительного. Ни намёка на дверцу. Да и куда бы она могла вести? В соседнюю комнату? На улицу?

— Значит, должен быть люк.

На полу ничего не нашлось. Артём старательно разгрёб обломки мебели, сдвинул уцелевшую тумбу, простучал половицы, но люка не обнаружил.

— Ладно, давай спать, — зевнула мама. — С утра продолжим. И послезавтра Серёжа приедет...

— Постой! Тут есть рулетка?

— Зачем тебе?

Артём объяснил свою догадку. Мама ответила, что такое едва ли возможно, да и никакой рулетки у них нет. Пришлось заменить её простой верёвкой.

Артём замерил длину коридорной стены, потом измерил длину стен в обеих комнатах, и оказалось, что простенок между ними — почти полтора метра глубиной.

— Я же говорил!

— Не понимаю... Дай-ка сюда верёвку.

Повторное измерение показало такой же результат. Простенок не мог быть настолько глубоким, даже если брёвна тут укладывали в два ряда.

— Значит, между стенами — пустота! — заключил Артём.

— Думаешь, там комната с сейфом?

— Вряд ли. На фотографии она большая.

— Тогда что?

— Не знаю. Увидим.

«Хорошо, что папы нет. Он бы всё испортил! Спать не лягу, пока не найду вход». Артём прощупал брёвна, пальцем подковырнул щели, но ничего не нашёл. Отодвинул тумбу, простучал плинтус. Ничего. Попробовал сдвинуть поставец — вскрытый, выпотрошенный, но оставленный на месте. Не смог. Тот был накрепко прикручен к брёвнам.

— Смотри. — Мама показала на царапины, ведущие по полу от ножек поставца.

— Значит, его часто двигали! — оживился Артём. — Нужна отвёртка.

— Давай всё-таки подождём Серёжу.

— Нет! — порывисто сказал Артём.

— Ну хорошо. Я схожу к соседке. Но договоримся. Если тут ничего нет, идём спать.

— Согласен, — нехотя ответил Артём.

Шёл одиннадцатый час, но Бэлигма встретила Марину Викторовну с улыбкой.

— Отвёртка? Чего это вы там задумали?

— Так, тумбу прикрутить.

Надо было заранее придумать причину. Эта прозвучала неубедительно. «Впрочем, какое тебе дело!» Бурятка всё меньше нравилась Марине Викторовне.

Бэлигма сказала, что позовёт одного из сыновей, что тот прикрутит всё, что нужно. Она до того настойчиво предлагала помощь, что Марина Викторовна пожалела о своём приходе, но в конце концов Бэлигма уступила: принесла сразу три отвёртки и попросила обращаться к ней в любое время суток — «в память о замечательном Викторе Каюмовиче».

— Кошмар какой-то. — Опасаясь, что Бэлигма в последний момент за ней увяжется, Марина Викторовна быстрым шагом направилась к дому.

Пока её не было, Артём попробовал открутить шурупы кухонным ножом, но только обломил лезвие. С отвёрткой дело пошло быстрее.

Выкрутив последний шуруп, Артём отошёл в центр комнаты и замер.

— Ты чего? — удивилась Марина Викторовна.

— Хочу насладиться моментом. Сейчас всё решится.

Марина Викторовна усмехнулась. «Весь в деда», — нехотя признала она.

Вместе отодвинули поставец. Он заскрипел по уже процарапанным бороздкам.

— Вот! — радостно вскрикнул Артём.

За поставцом открылся вырезанный в стене проём. Полтора метра высотой и метр шириной.

— Я же говорил! — Артём схватил Марину Викторовну за руку.

— Что там? — шёпотом спросила она.

— Сейчас узнаем.